

Восточная панорама

Актуальный бюллетень Лаборатории востоковедения

ШАГИ РАНХиГС

№1 (январь–март 2017)

Содержание

От редакции	2
<i>А. Н. Мещеряков.</i> Японский императорский дом: прошлое и будущее	5
<i>А. Б. Старостина.</i> К открытию нового музея в Цюйфу: конфуцианские искания Коммунистической партии Китая	9
<i>М. А. Алонцев.</i> «Самая лучшая среди смертей – быть убитым»: о культе мучеников в шиитском исламе....	15

От редакции

Сегодня, в эпоху, с одной стороны, почти тотальной глобализации и развития все новых видов связей между культурами и цивилизациями, а с другой — активной и все более ощутимой борьбы между «новациями» и «консервативными ценностями», можно уверенно наблюдать возрастание интереса к цивилизациям Востока. Мы видим, как в разных городах России открываются новые культурные центры и представительства Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Индии, Ирана и других восточных государств; как возникает «мода» на новейшие тенденции в популярной и высокой культуре этих стран, будь то японское аниме, корейская поп-музыка или иранский кинематограф; как увеличивается число людей, интересующихся изучением восточных языков, страноведением Востока, не говоря уже о вопросах экономического сотрудничества с этими странами.

Общественный спрос на «знания о Востоке», таким образом, неуклонно возрастает, меж тем как предложение зачастую оставляет желать лучшего. Наблюдается довольно болезненный разрыв между профессиональной наукой о Востоке, сконцентрированной в десятке-другом научно-исследовательских институтов и восточных кафедр крупных университетов страны, и популярно-ориентированной печатной, телевизионной и интернет-продукцией, часто уклоняющейся в сторону дешевого сенсационализма, «экзотизации» Востока, искажающей факты и не учитывающей культурно-исторического контекста, в рамках которого объяснялись бы интересные и значимые события современной жизни восточных стран. Причины такого уклона понятны и вряд ли устранимы — и тем не менее, наряду с этим, существует и здоровый, качественный спрос на серьезный экспертный комментарий, что наглядно подтверждается популярностью таких медийных площадок, как Постнаука, Полит.ру, Арзамас и т. п., стремящихся по мере возможности «держат марку», и постоянно привлекающих к себе все новые и новые слои читателей, зрителей и слушателей.

Чего до сих пор по-настоящему не хватает в том секторе медийного пространства, который занят проблемами Востока? На наш взгляд, совершенно незанятой остается ниша, которую можно обозначить как «культурологический экспертный комментарий текущих событий». Почти любые значительные события в современных восточных странах, начиная от смены власти и заканчивая выходом на экраны нового эпического блокбастера, так или иначе погружены в глубокий исторический контекст. Причем общеизвестно, что сила традиции на Востоке намного влиятельнее, чем в большинстве западных стран — в силу глубокой архаичности этих культур, их непосредственной преемственности по отношению к тем колыбелям цивилизации, которые тысячи лет тому назад располагались на территории современных Ирана, Индии, Китая и других стран. Если для среднестатистического россиянина, даже вполне образованного, тот исторический диапазон, в пределах которого он может

свободно проводить исторические параллели с сегодняшними событиями, как правило, ограничен двумя-тремя сотнями лет (мало кто из нас «активно» оперирует культурными ценностями допетровской эпохи), то для такого же среднестатистического образованного китайца не теряют значимости ни образ великого поэта Ли Бо (VIII в. н. э.), ни учение Конфуция (V в. до н. э.), ни цитаты из древней поэтической антологии «Шицзин» (начало I тысячелетия до н. э.). Точно так же для современного иранца немаловажно чувствовать себя наследником великой империи Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), а почтение, испытываемое японской нацией по отношению к императорскому дому, невозможно объяснить, не покопавшись как следует в японской мифологии, уходящей своими корнями в ту эпоху, когда японцы еще только начали обживать свои острова (около полутора тысяч лет тому назад).

Таким образом, мы видим своей задачей удовлетворить — а, возможно, даже и отчасти сформировать — спрос на своего рода «глубинное понимание» текущих событий, для чего читателю следует не просто подавать сухие факты, а вскрывать их корни, объяснять, какие глубинные причины, традиции, особенности менталитета стоят за тем, что происходит сегодня. Для решения этой задачи Лаборатория востоковедения Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС разработала концепцию настоящего Бюллетеня — периодического издания, в котором наиболее интересные и значимые события культурной и политической жизни развитых цивилизаций Востока будут регулярно подаваться под своего рода «культурно-историческим соусом».

Тематика Бюллетеня будет в основном определяться теми направлениями, по которым в настоящее время ведутся экспертные исследования Лаборатории — в первую очередь это Дальний Восток (Китай, Япония, в меньшей степени Корея) и страны исламского региона, в первую очередь, Иран. С определенной периодичностью (пока что она обозначена как ежеквартальная) Бюллетень будет представлять вниманию читателя экспертный комментарий к небольшой, но существенной выборке текущих событий, помещающий их в надлежащую историческую канву и по возможности снабженный ссылками на научную или качественную научно-популярную литературу — что опять-таки будет отличать публикации Бюллетеня от обычной интернет-публицистики, редко утруждающей себя ссылками на источники.

Мы надеемся, что наши публикации будут интересны всем, кто так или иначе интересуется Востоком, не будучи при этом профессиональным востоковедом — от старшеклассников и студентов до политологов, экономистов, филологов общего профиля и представителей любых других профессий, желающих получать надежную информацию, так сказать, «из первых рук», то есть непосредственно от исследователей, погруженных в соответствующую среду и ежедневно анализирующих ее особенности. Возможно — и даже скорее всего — это будет иногда приводить к определенной сухости и сложности в изложении материала: не будучи профессиональными публици-

стами, наши авторы в большей степени заинтересованы в фактах, деталях, серьезной аналитике, чем в ярких речевых образах и экзотических гиперболах. Однако Бюллетень не ставит перед собой задачи набрать как можно более массовую аудиторию — мы хотели бы ориентироваться на тех читателей, для которых истина важнее красивой картинкой, а таковых, как хорошо известно, всегда меньшинство.

Для первого выпуска нашего Бюллетеня мы подобрали три материала, которые, на наш взгляд, идеально представляют те основные направления, которые мы планируем освещать в дальнейшем. Статья А.Б. Старостиной посвящена планам скорого открытия в китайском городе Цюйфу музея Конфуция — грандиозного события, призванного вновь подчеркнуть ту огромную роль, которую продолжает играть для современного Китая 2500-летняя идеология конфуцианства. Материал А.Н. Мещерякова отталкивается от новости, беспрецедентной для современной японской истории — планов по отречению от престола японского императора Акихито — объясняя ее в рамках исторического контекста, малоизвестного широкой публике. Наконец, в обзоре М.А. Алонцева дается экспертно-исторический комментарий к столь важному событию, как объявление города Мешхед столицей мусульманского мира в 2017 году Исламской организацией образования, науки и культуры — что не просто свидетельствует о той существенной роли, которую играет Исламская республика Иран в современном мире ислама, а имеет под собой и гораздо более глубокие корни, о чем можно узнать из обзора.

Надеемся, что первый выпуск Бюллетеня будет с интересом воспринят читательской аудиторией, и в дальнейшем будем стремиться как к увеличению числа наших материалов, так и к расширению их тематики. Будем рады всем отзывам, замечаниям и предложениям — пишите нам на адрес vostlab.bulletin@gmail.com.

А.Н. Мещеряков

заместитель заведующего Лабораторией востоковедения, д. ист. наук, профессор

Японский императорский дом: прошлое и будущее

В августе прошлого года действующий император Японии Акихито сделал беспрецедентное заявление о том, что хочет оставить трон, поскольку возраст и здоровье не позволяют ему исполнять свои церемониальные обязанности должным образом. Предполагается, что после корректировки закона об императорском доме Акихито отречется от престола в конце 2018 года, когда 23 декабря исполнится 85 лет со дня его рождения и 30 лет его пребывания на троне. Согласно конституции 1947 года, император является «символом» японского народа. Хотя он лишен всяких распорядительных полномочий, всякое событие в императорском доме вызывает живейший интерес у этого народа.

Заявление Акихито является беспрецедентным потому, что нынешние японские законы не допускают возможности отречения — должность императора является пожизненной. Однако так было далеко не всегда — закон о запрете на отречение и о передаче трона исключительно прямым наследникам по мужской линии был принят только в 1889 году. Всю остальную часть длинной японской истории не существовало фиксированного порядка наследования. В значительной степени это объясняет тот факт, что династия не знала перерыва на протяжении более чем полторы тысячи лет и является самой древней в мире. Акихито считается 125-м императором этой династии.

В Японии всегда гордились тем, что, в отличие от других монархий, страна не знала смены династии. Императорский дом даже не имеет своей фамилии, поскольку династия не имела никакой альтернативы. Трон мог переходить не только к сыновьям императора, но и к его братьям, внукам, внучатым племянникам и т.д. Главное, чтобы он находился в родстве (хотя бы и весьма дальнем) с действующим государем.

Япония не знала моногамии, помимо главной жены («императрицы»), правители обладали несколькими «запасными» женами. Это являлось надежной гарантией продолжения рода. И если главная жена оказывалась бесплодной (а это случалось довольно часто), то это не считалось за катастрофу, ибо трон можно было передать и детям от других жен. Поскольку они пользовались равными правами, это могло приводить к династическим раздорам, но не оказывало влияния на прочность позиций династии в целом. Ритуальный авторитет императора был чрезвычайно высок: он считался потомком главной богини синтоистского пантеона — солнечной богини Аматэрасу. Таким образом, в Японии не могла сложиться ситуация, когда ввиду от-

сутствия прямых наследников по прямой линии династия Рюриковичей прекратила свое существование, и ее сменила династия Романовых.

Отречение императора также было широко распространенной практикой в традиционной Японии. Здесь играли роль и внутридинастические распри, и соображения более общего порядка. В период Токугава (1603–1867) существовал обычай, согласно которому глава семьи (профессиональной корпорации, клана) в определенном возрасте (обычно в районе 50 лет) уходил от дел на покой. Это обеспечивало смену и преемственность поколений, а самому человеку предоставляло возможность для занятий другими делами.

Придворные эпохи Хэйан, изображение Тоса Мицуоки. Вторая половина XVII в.

Представители элиты часто использовали это время для сочинения стихов и нравоучительных трактатов, занятий каллиграфией, живописью, музыкой. Могли они принимать и монашество и спокойно молиться о счастливом перерождении.

Система работала хорошо, и Япония не знала сколько-то крупных общественно-политических конфликтов, восстаний и усобиц на протяжении двух с половиной веков.

Ситуация изменилась, когда во второй половине XIX века Япония приступила к полномасштабной модернизации. Это был во многом вынужденный шаг, поскольку в против-

ном случае страна почти неминуемо оказалась бы колонией какой-нибудь из западных держав, как это повсеместно произошло в Азии. Реформированию подвергалось все: армия, экономика, образование, «отсталые» обычаи и обыкновения. Запад служил образцом во всех областях жизни, и какое-то время японцам казалось, что мудрость следует искать только на Западе и необходимо выстроить свои институты в соответствии с западными образцами. Не избежал этой участи и императорский дом. Поскольку в западных монархиях господствовал принцип майората, в соответствии с которым трон наследовал старший сын государя, то было решено ввести в Японии этот обычай.

Императорская семья. 1936 г. Будущий император Акихито — первый слева

Согласно «Положению об императорском доме», принятом вместе с конституцией в 1889 году, впервые в японской истории вводился строгий порядок престолонаследования. Трон передавался только прямым потомкам императора по мужской линии. Таким образом, Япония пошла дальше Европы. В качестве главы монархии там *de facto* признавались и императрицы, но Японии женщина занимать трон не могла.

Общество времени Мэйдзи было маскулинизированным еще в большей степени, чем на Западе — и более маскулинизированным, чем в древней Японии, где VII–VIII века принесли стране восемь императриц. Решение было весьма рискованным: у императора Мэйдзи, при котором было принято «Положение», имелся только один сын, который, несмотря на душевную болезнь, и занял трон в 1912 году (император Тайсё).

Проблемы, вызванные чересчур строгим законом о престолонаследии, продолжались и в дальнейшем. Поскольку у отца Акихито, императора Сёва, долгое время рождались только дочери (их было четверо), то в придворных кругах стали обсуждать возможность вернуться к испытанному веками средству — взять наложницу (к этому времени практика полигамии ушла в прошлое). Поэтому рождение долгожданного престолонаследника Акихито в 1933 году было отмечено небывалыми торжествами. У наследного принца Нарухито, который должен в самом скором времени занять престол, имеется только дочь. Поскольку нет никаких сомнений в том, что

Япония не останется без своего 127-го государя, законодателям, скорее всего, придется еще раз подкорректировать закон о престолонаследовании.

Литература по теме

- [Emperor signals wish to abdicate in near future](#) // The Japan Times. 08.08.2016
- Мещеряков А.Н. Японский император и русский царь: элементная база. М., 2004.
- Политическая культура Древней Японии. М., 2006.
- Fujitani Takashi. Splendid Monarchy: Power and Pageantry in Modern Japan. Berkley, Los Angeles, London, 1998/
- Ruoff K.J. The People's Emperor: Democracy and the Japanese Monarchy, 1945–1995. Cambridge, London, 2001.

А. Б. Старостина

*старший научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики
ШАГИ РАНХиГС, канд. филос. наук*

К открытию нового музея в Цюйфу: конфуцианские искания Коммунистической партии Китая

Современный политический режим в Китае не располагает непротиворечивой идеологической системой и стремится к тому, чтобы такую систему сформировать. Даже маоизм в течение своего недолгого существования претерпевал (и продолжает претерпевать) сложные метаморфозы, так и не став всеобъемлющей непротиворечивой идеологией. Уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия стало ясно, что правительству КНР необходимо новое теоретическое обоснование его деятельности, которое было бы достаточно популярно у населения. Теория «трёх представительств» Цзян Цзэминя, «научная концепция развития» Ху Цзиньтао, «китайская мечта» Си Цзиньпина — свидетельства идеологических «новаций» китайского руководства.

Лидеры КНР пробуют обращаться в своих идеологических поисках и к конфуцианству императорского Китая. Следует, впрочем, учитывать то, что у конфуцианства в китайском руководстве есть не только сторонники, но и противники.

В некоторой степени это напоминает о раннеханьском времени, когда императоры держали на службе легистов, обеспечивших быстрый подъём царству Цинь — основателю предыдущей династии, но одновременно принимали доклады о реформировании страны от конфуцианских учёных и пытались учитывать в своих программных текстах популярную в то время натурфилософию школы инь-ян. Та ситуация разрешилась формированием конфуцианской государственной идеологии при императоре У-ди (на троне с 141 по 87 гг. до н.э.), идеологии, которая впитала в себя и легистские, и натурфилософские компоненты. Конфуцианство заявляет о своих правах и сегодня.

Небольшой город Цюйфу, располагающийся на юго-западе провинции Шаньдун, известен как древняя столица княжества Лу и родина Конфуция. Благодаря высокому статусу конфуцианства, которое было государственной идеологией Китайской империи в течение большей части её существования, Цюйфу очень рано превратился в место, священное для всякого образованного китайца. В Цюйфу расположено множество памятников старины, в том числе три объекта из Списка мирового культурно-

го наследия ЮНЕСКО. Основной центр притяжения для туристов — храм Конфуция, комплекс зданий, в своём настоящем виде сложившийся в XVI–XVIII веках.

В начале февраля 2017 года в китайских и зарубежных СМИ появилась новость о том, что в Цюйфу в этом году откроется Музей Конфуция, в котором будет представлено около 120 тысяч экспонатов; кроме того, в музейном хранилище будут находиться более 200 тысяч архивных единиц. В печати сообщается, что 90% строительных работ уже завершено. Музей, занимающий 57 тысяч квадратных метров, строится по проекту лауреата Государственной премии КНР У Лянъюна (р. 1922), ученика и соратника великого архитектора Лян Сычэна. Строительство музея находится в связке с другими курируемыми правительством провинции мероприятиями, такими как восстановление части древней крепостной стены княжества Ци (существовало с XI по III вв. до н.э.) и выставочного зала «Академия Цзися».

Статуя Конфуция на железнодорожной станции Цюйфу

Тем не менее, многие обратили внимание на то, что строительство нового Музея Конфуция ведётся с труднообъяснимыми задержками: оно началось ещё в феврале 2013 года. В современной КНР темпы строительства велики, и Музей должен был открыться в 2015 году. Однако перебои в финансировании привели к тому, что строительство не завершено до сих пор.

Для современных почвенников — сторонников возвращения Китая к исконным раннеконфуцианским ценностям, говорящих о первостепенном значении «исконной духовной цивилизации», — Цюйфу имеет серьёзное символическое значение. Почвенники стремятся компенсировать вред, нанесённый китайской культуре «великой пролетарской культурной революцией» (1966–1969), одной из целей которой было уничтожение любых следов конфуцианства в Китае. В Цюйфу хунвэйбины разрушили множество памятников и осквернили кладбище потомков Конфуция, а также саму могилу Конфуция.

Церемония поклонения Конфуцию в Цюйфу

С 1980-х годов в Китае возрос интерес к традиционной культуре (по принципу пружины: в течение десятилетий она считалась феодальным хламом). Публикации, реабилитирующие конфуцианскую философию, появились в центральной печати уже

в начале 1980-х, а с середины 1980-х в Цюйфу были восстановлены жертвоприношения Конфуцию. Правительство отреставрировало храм, кладбище, родовую усадьбу Конфуция и многие другие памятники, разрушенные хунвэйбинами. Взамен погибших статуй Конфуция и его учеников, сделанных при династии Мин, были изготовлены новые.

Ещё в 1984 году по инициативе Госсовета в Цюйфу был создан Китайский фонд Конфуция (позже его штаб-квартиру перевели в Пекин), через который осуществляется финансирование многочисленных конференций, посвящённых конфуцианскому наследию, периодических изданий о философии Конфуция, праздников конфуцианской культуры и т.п. В 1986 году был создан журнал «Конфуцианские исследования» (букв. «Исследования Конфуция», «Кун-цзы яньцзю»), который, впрочем, как указывает редколлегия, «принимает в качестве руководящей идеологии марксизм».

В течение всего этого времени почвенники не оставляли (как не оставят и впредь) своим вниманием Цюйфу, считая этот город святыней конфуцианства и оплотом отечественной культуры. Так, их стараниями в городе в 1996 года Госсовета утвердил создание исследовательского, музейного и издательского центра, получившего название «Академии Конфуция» (его здания также проектировал У Ляньюнь). В 2014 Академию посетил председатель КНР Си Цзиньпин, внимательно относящийся к воссозданию конфуцианской традиции. С октября 2014 года в Цюйфу и окрестностях празднуется ежегодный «Фестиваль народного конфуцианства»; осенью 2016 года был открыт Цюйфуский Центр исследований и распространения цивилизации ритуала и музыки. Те же почвенники, организовав протесты общественности в 2010 и 2016 годах, не допустили строительство высотного здания протестантского собора в непосредственной близости от родовой усадьбы Конфуция.

Цюйфу — один из важнейших центров деятельности почвенников, и здесь в концентрированном виде отражаются усилия, которые предпринимаются ими по всей стране. Академия Конфуция стала одним из центров, где регулярно читаются лекции представителями «нового конфуцианства», идеологического ядра современного китайского традиционализма.

Последние годы видели участие учеников государственных средних школ в торжественных церемониях поклонения Конфуцию. Пекинские школьники и студенты каждую весну стекаются в храм Конфуция на улице Гоцзыцзянь, чтобы испросить покровительства мудреца перед началом экзаменов. В 1990-е годы стали появляться так называемые «народные конфуцианцы» — люди, самостоятельно изучающие классическое наследие. Некоторые из них открывают кружки, детские сады и школы, где преподавание ведётся по правилам, в чём-то приближенным к существовавшим в позднюю императорскую эпоху в частных школах.

Иллюстрация из детского издания «Троесловия»

Почвенники и их сторонники стараются постепенно обеспечить изучение традиционных учебников конфуцианской этики («Троесловия», «Правил поведения детей») в государственных детских садах и начальной школе. В числе аргументов почвенников — ссылки на бездуховность общества и необходимость поиска истоков культуры для оздоровления нравственного климата. На всех этапах школьного образования обязательно заучивание танской поэзии. В стране, где руководящая роль принадлежит коммунистической

партии, всё вышеперечисленное не могло бы случиться, если бы в верхах КПК не было людей, сочувствующих конфуцианскому реваншу.

Внедрение элементов конфуцианской идеологии императорского Китая в идеологию современной КПК может представляться прекрасным способом укрепить авторитет правительства. Секретари провинциальных парткомов уже неоднократно принимали участие в празднествах, посвящённых не только Конфуцию, но и чтимым в конфуцианстве императорам древности. Имя Конфуция, как известно, присвоено зарубежной сети институтов, которые являются частью партийно-государственного аппарата КНР.

В 2014, 2015 и 2016 годах на сайте министерства образования КНР неоднократно появлялись документы, утверждающие необходимость изучения национального наследия в начальной и средней школе. Вместе с тем неподконтрольные государству центры обучения конфуцианской классике несколько настораживают министерство. Так, 24 февраля 2017 года в рекомендации, размещённой на сайте министерства образования КНР, осторожно ставится под сомнение качество образования в частных школах; об образовательных центрах, где занимаются изучением китайской классики, сказано, что «пропагандировать лучшие достижения китайской традиционной культуры в кружках по интересам, действительно, можно, но эта деятельность не должна подменять собой обязательного школьного образования».

Не все разделяют мнение о благотворном влиянии традиционной культуры, даже поставленной под надзор государства, на укрепление авторитета властей. Достаточно вспомнить показательный случай с девятиметровой бронзовой статуей Конфуция на площади Тяньаньмэнь (что интересно, на поясе у философа висел меч). Она

появилась у входа в Национальный музей в январе 2011 года, а через сто дней, в конце апреля, была незаметно демонтирована и перенесена во двор музея. Причиной послужило то, что установка статуи не была согласована на всех необходимых для таких акций уровнях и встретила протест левой части ЦК КПК.

Возможно, что строительство Музея Конфуция в Цюйфу могло вызывать сомнения у тех же людей, что инспирировали перенос статуи Конфуция, слишком вызывающе стоявшей неподалёку от портрета Мао Цзэдуна на центральной площади Китая. Формирование новой идеологии КНР продолжается, и пока неясно, какое место в ней займёт конфуцианство.

Литература по теме

- [Confucius Museum to be opened in Shandong](#) // China Daily. 09.02.2017
- Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- Billioud S., Thoraval J. The Sage and the People: The Confucian Revival in China. New York, 2015.
- Ming-huei Lee. Der Konfuzianismus im modernen China. Leipzig, 2001.
- The Sage Returns: Confucian Revival in Contemporary China. Ed. by K. Hammond and J. Richey. New York, 2014.

М. А. Алонцев

научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

«Самая лучшая среди смертей – быть убитым»: о культуре мучеников в шиитском исламе

Исламская организация образования, науки и культуры (ISESCO) назвала иранский город Мешхед столицей мусульманского мира для Азии в 2017 году. Один из крупнейших городов Ирана, по численности населения уступающий лишь Тегерану, известен в первую очередь как шиитский культовый центр — сам Мешхед возник вокруг усыпальницы восьмого шиитского имама Резы (ум. 818 г.).

Мешхед, а также находящиеся на территории Ирака Неджеф и Кербела, являются наиболее важными паломническими местами для мусульман-шиитов. И если хадж — паломничество в Мекку в специально установленный для этого месяц зу-л-хиджжа — необходимо хотя бы раз в жизни осуществить каждому мусульманину (в том числе и шииту), то посещение других мест, ставших «культовыми» по той или иной причине, не регламентируется как обязательное. Все три специфически шиитских паломнических места связаны с фигурами имамов, а точнее — с их трагической смертью. Сам титул имама, а также доктрина имамата, разработанная шиитами, восходит к самому начальному этапу распространения ислама. После смерти пророка Мухаммада, являвшегося непререкаемым религиозным и политическим авторитетом для всей общины «правоверных», возник вопрос о наследии власти. В результате главой общины был избран Абу Бакр (ум. 634 г.) — один из первых мусульман и ближайших сподвижников пророка. Так началась эпоха «праведных халифов», а официальный титул главы мусульманской общины звучал как «наследник посланника Бога» (*ḫalīfa rasūl Allāh*). Перед смертью Абу Бакр назвал своим преемником Умара (ум. 644 г.), а после его кончины совет из наиболее авторитетных мусульман избрал халифом Усмана (ум. 656 г.).

В то же самое время часть мусульман выражала недовольство процессом передачи власти — по их мнению, наследником Мухаммада и настоящим лидером общины должен был стать его двоюродный брат и зять Али. Эти мусульмане называли себя «группа Али» (*šī‘at ‘Alī*), поэтому впоследствии за ними закрепилось наименование «шииты». Их недовольство, а также непопулярность Усмана привели к конфликту в мусульманской общине, закончившемуся убийством последнего. Четвертым праведным халифом выбирают Али, однако это лишь усугубляет противостояние — Муавийя, родственник Усмана, не признает статуса Али и часть мусульман поддерживает его. Начинается гражданская война, в ходе которой Али, долгое время имевший очевидное преимущество, теряет инициативу, а союзники отворачиваются от него. В результате Али погибает во время молитвы от руки его недавнего сторонника, его тело

секретно передают земле на холме под названием Неджеф. Хасан, сын Али, отказывается от притязаний на престол в обмен на гарантии для его семьи, и Муавийя провозглашается халифом. Хусейн, брат Хасана, не соглашается с этим и собирает сторонников отца для того, чтобы отвоевать свое законное право. Однако его отряд разбивают правительственные силы на равнине Кербела, а всю семью Хусейна за исключением жен и детей уничтожают. Так заканчивается крупнейший конфликт первого века ислама, в результате которого оформляются два основных течения — сунниты и шииты.

Битва при Сиффине — один из центральных эпизодов войны Али и Муавийи

Основным противоречием между суннитами и шиитами, следовательно, является вопрос о наследовании власти над мусульманской общиной. С точки зрения суннитов, халиф как глава общины не является носителем божественного откровения, а «повелителем правоверных», задача которого — заботиться о соблюдении установлений Корана и заветов Мухаммада. В то же самое время шииты считают, что изначально наследником Мухаммада должен был стать Али, а в дальнейшем власть пере-

давалась бы его потомкам. На этой основе развилась доктрина имамата — по мнению шиитов, единственным легитимным правителем мусульман является имам (араб. *imām*, «стоящий впереди», имам мечети именуется так потому, что руководит молитвой). Имамы — Али и его потомки — по праву родства с пророком являются как светскими, так и духовными лидерами общины. Их функции не ограничиваются лишь заботой о соблюдении предписаний ислама: кроме этого имам является толкователем религиозных знаний и права, а также духовным руководителем, ведущим собратьев по вере к пониманию скрытого смысла вещей.

*Али и его дети — Хасан и Хусейн.
Изображение XIX в.*

Шииты считают праведных халифов (кроме Али), а также последовавшие за ними суннитские династии Омейядов и Аббасидов узурпаторами законной власти имамов. В этой связи почитание имамов, погибших в борьбе с узурпаторами, приобретают новый статус. Их считают мучениками (араб. *šahīd*), погибшими в борьбе с тиранами. Эти представления укреплялись еще и тем, что до воцарения в Иране в 1501 году династии Сефевидов в мусульманском мире в большинстве своем правили суннитские династии. Во многом в связи с пребыванием шиитов на осажденном положении почитание имамов, погибших в борьбе с узурпаторами, — т.е. Али и Хусейна — а также посещение мест их погребения (Неджеф и Кербела) приобретает очень высокий статус.

В этой связи казус имама Резы и Мешхеда несколько отличается от двух вышеописанных. После трагической гибели Хусейна последующие имамы

предпочитали отстраниться от политической жизни и вели благочестивый образ жизни, занимаясь религиозными науками. Однако в случае с восьмым имамом Резой ситуация обернулась иначе. Аббасидский халиф Мамун решил заручиться поддержкой сил, сочувствовавших шиитам, и в связи с этим приблизил к себе Резу. Мамун вызвал его в город Мерв на северо-востоке Халифата, куда он планировал перенести столицу из Багдада, выдал за него свою дочь, а также назначил его наследником престола. Восточные земли Халифата традиционно были более лояльны к шиитам: там проживало большое количество почитателей Али, бежавших от преследований, а

также новообращенные мусульмане, часто воспринимавшие разнообразные шиитские культы. Однако пытаясь заручиться поддержкой прошиитских сил, Мамун вызвал недовольство в Багдаде — там вспыхнуло восстание, выбравшее халифом одного из сыновей Мамуна. Тогда Мамун вынужден был срочно отправиться в Багдад для подавления восстания. На пути туда при странных обстоятельствах умер визирь Мамуна, симпатизировавший шиитам, а недалеко от города Туса погиб Реза. Шиитская традиция считает, что он был отравлен подручными халифа, и поэтому также объявляет его мучеником. Вокруг места его погребения и вырос город Мешхед (араб. mašhad, «место убийства»).

Значение Мешхеда для иранских шиитов велико еще и по геополитическим причинам: это единственный шиитский культовый центр, находящийся на территории Ирана. Со времени Сефевидов, установивших шиитский извод ислама в качестве основного вероучения в их государстве, Неджеф и Кербела находились сначала на территории Османской империи, а после ее распада — под контролем Ирака. Зачастую это использовалось в политических целях — например, во время Ирано-иракской войны (1980–1988) правительство Хомейни одной из целей провозглашало возвращение шиитских святынь. Это вовсе не умаляет значение Мешхеда, т.к. на протяжении более чем 500 лет все правившие в Иране династии выделяли огромные пожертвования для поддержки и обустройства города и разраставшегося мемориального комплекса. А основатель династии Афшаридов Надир-шах (1688–1747) и вовсе сделал Мешхед столицей своего государства.

В последние годы политика снова вмешивается в религиозную жизнь города. Из-за обострения отношений между Ираном и Саудовской Аравией странам не удалось договориться относительно совершения иранцами хаджа в 2017 году (именно королевство регулирует всю официальную сторону паломничества). А в 2015 году во время давки на хадже погибло более 400 иранцев. В этой связи иранское правительство рекомендовало вместо хаджа совершить паломничество в Мешхед. Кроме этого, город, являющийся одним из центров шиитского мира, стал пунктом назначения иракских шиитов, спасающихся от Исламского государства.

Литература по теме

➤ [Official Website for Cultural Capital of the Islamic World](#)

- Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л., 1966.
- Momen M. An Introduction to Shi'i Islam, The History and Doctrines of Twelver Shi'ism. New Haven, 1985.
- Большаков О.Г. История Халифата. Т. I. Ислам в Аравии. С. 570–633. М., 1989.

Текущие мероприятия Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

Лекторий «Самое важное»:
лекционный цикл лаборатории востоковедения ШАГИ РАНХиГС
«Эпохи перемен в истории восточных стран»
Место проведения: Библиотека им. Ф.М. Достоевского

28 февраля, 20:00
Аглая Старостина
Голова или волосы. Китай при первых маньчжурских императорах.

14 марта, 20:00
Александр Мещеряков
Японская модернизация: изобретение нации.

11 апреля, 20:00
Максим Алонцев
«Жителям Тегерана предлагается помолчать!»: Реза-шах Пехлеви и модернизация Ирана.

Стоимость посещения одной лекции: 500 р.
Подробнее: <http://lektoriy.ion.ranepa.ru>

Публичный семинар **«ШАГИ на набережной»**:
выступления сотрудников Лаборатории востоковедения
Место проведения: Пречистенская набережная, д. 11, ауд. 22

13 апреля, 19:00
Анастасия Федорова
Идеология и эстетика традиционализма в японском кинематографе 1930-х – 50-х годов.

8 июня, 19:00
Георгий Старостин
*Как нам понимать Конфуция:
языковая норма и языковая игра в классических китайских текстах.*

Подробнее: <http://www.shagi.ranepa.ru/speech/shagi-na-naberezhnoj/>

Редакторы: Г.С. Старостин, О.И. Лебедева
vostlab.bulletin@gmail.com

Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС
shagi.ranepa.ru/lab/vostokovedenie

ШАГИ ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

